

Сергей Сурин

АНГЛИЙСКИЙ ФУТБОЛ:

Вся история в одной книге.

Люди. Факты. Легенды

Издательство АСТ
Москва

УДК 796.332

ББК 75.578

С 90

Информационными источниками книги являются тексты и лекции Патрика Баркляя, Алекса Финна и Кевина Уитчера, Эдди Хэпгуда, Михаила Гаспарова, Натальи Басовской, Андрея Стрелкова, а также материалы, находящиеся в свободном доступе сети Интернет.

Фотографии на переднюю сторонку обложки предоставлены:

epa/Vostock Photo

Фотографии на заднюю сторонку обложки предоставили:

Olga Popova/Shutterstock.com; Tristan tan/Shutterstock.com;

Chrisdorney/Shutterstock.com

Сурин, Сергей.

С 90 Английский футбол. Вся история в одной книге. Факты. Люди. Легенды / С. Сурин. — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 480 с. — (Звезда футбола).

ISBN 978-5-17-107868-3.

С этой удивительной книгой читатель переживет историю футбола — так, как он переживал бы историю своего рода. Ведь если футбол по-настоящему проникает в душу, он становится неотъемлемой частью личного бытия, еще одной скрытой религией Земли — и книга в том числе и об этом. В книге футбол рождается — в муках и криках, проходит через беззаботное детство, получает профессиональный статус, идет на войну, мужает, восстает, реформируется и становится, наконец, таким, каким мы видим его сегодня.

Даже искушенный знаток откроет много нового для себя: узнает о первопроходцах — апостолах игры, о забытых гениях, об истории правил, о судьбе великих футбольных тренеров и о становлении знаменитых английских клубных брендов, и даже о дьявольском проникновении денег в олимпийское движение.

Книга основательно пропитана юмором и иронией, и читателю совсем не страшно оказываться то на жестких поминальных играх под стенами Трои, то перед средневековым эшафотом, где Генрих VIII ликвидировал очередную не оправдавшую доверие супругу, то на грандиозном стадионе в Риме, где народ приветствует сидящего в профиль Муссолини...

Футболу более 150 лет — и так же, как взрослый человек не похож на себя в детстве, так и футбол изменился до неузнаваемости. Каким он был, каким он стал, что приобретено, а что безвозвратно упущено — в уникальной книге Сергея Сурина.

УДК 796.332

ББК 75.578

ISBN 978-5-17-107868-3.

© Сурин С.

© ООО «Издательство АСТ»

ПРОЛОГ:

ФУТБОЛ КАК РЕЛИГИЯ

И предлагали ему личное бессмертие — живи сколько заблагорассудится, хоть вечно, если не надоест.

Хочешь все блага мира? — бери, они твои. Все, что справа — твое. И все, что слева — твое тоже.

Только отдай твою эмоцию, твоё волнение и разочарование, твою безбрежную радость и душевный подъем, твои слезы и горькое отчаяние. Земля — единственное место, где остались эмоции. Камни и звездная пыль — не переживают.

— Но если я отдам свои эмоции, — отвечал болельщик, — как я буду смотреть футбол? А если мне не болеть за любимую команду, то к чему бессмертие с благами? Зачем камню камни?

И предлагали ему, — поскольку было не сговориться, — чтобы любимая команда выигрывала в каждом матче. Вам же нужна одна победа? Ее и получите — в порядке вещей, без сбоев.

— Но разве может сердце постоянно биться в упоенье? — вновь возражал болельщик (а дело было на краю Вселенной), — и если превратится вдруг восторг в привычку — мы перестанем ожидать ближайший матч, как ждет любовник молодой минуты верного свидания. Оставьте все как есть: нам интересно.

И отступились от него.

И удивлялись: что ж за игра такая, что больше жизни и интересней смерти.

Часть первая

**«ЗАРОЖДЕНИЕ
АНГЛИЙСКОГО
ФУТБОЛА.
ПЕРВЫЕ 50 ЛЕТ»**

ГЛАВА I. ПОЯВЛЕНИЕ БРИТАНСКОГО ФУТБОЛА

1.1 Дорога к Рождеству

Никто и не говорит, что игрой в мяч ногами в Средневековье увлекались только в Британии. В футбол играли везде — был мяч, в крайнем случае — круглый овощ, а ноги — они же всегда с игроком. Но узаконить игру, договориться о терминах и единых правилах — это Англия сумела первой, что, конечно же, неудивительно — ведь и другие правила здесь установили раньше других: Великую хартию вольностей (*Magna Carta*), ограничивающую власть короля, приняли в Англии в 1215 году, а через полвека на острове туманов и дождей уже заседал парламент.

Неудивительно, что не соблюдавшую правил «fair play» королеву, которая ввела в моду белое подвенечное платье вместо привычного красного, а для выхода на эшафот, наоборот, заказала себе алое, да еще и с алыми перчатками, представ в последний раз перед изумленным народом в цветах Красных Дьяволов, пушкарей и мерсисайдцев, — впервые удалят с жизненного поля именно в Англии. Палач поднимет отрубленную голову Марии Стюарт, а она сорвется — в руках палача останется парик — и покатится, ровно как мяч, к восторженной зрительской аудитории — предкам нынешних болельщиков. Английский народ любил смотреть казни своих монархов, замирая так, как теперь — при пробитии одиннадцатиметровых ударов. Размах, удар и — голова вчерашнего абсолютного до вседозволенности монарха летит к краю эшафота, а публика взрывается аплодисментами, обнимается, радуется! Тот же гол в принципе.

Но еще больше на этом острове любили играть в «мяч при помощи ног». Жители деревень и городов, разделившись на две

команды — причем численность каждой могла достигать до пяти сот человек — издревле собирались на центральной площади, чтобы допинать мяч до городских ворот. Веселая игра сопровождалась сметанием торговых прилавков с обилием силовых и военно-прикладных приемов, а наличие у игроков холодного оружия естественным образом приводило к смертельным исходам. Цель зрелищно оправдывала средства, — играли страстно, проходных матчей не бывало!..

Английские короли периодически пытались забанить эту популярную национальную забаву: Эдуард II — из-за шума: он же был романтиком, а романтикам, как и творческим работникам, нужна тишина, — великого же полководца Эдуарда III и отрекшегося от престола Ричарда II раздражало то, что граждане великой Англии — вместо напряженной работы на приусадебных участках и упражнений в стрельбе из лука — без толку гоняют мяч и калечат своих же граждан, а не манерных французов и разных прочих немцев. Какая польза от этого королевству? — один запрет сменить другой спешил, но англичане все равно играли. . .

Во времена буржуазной революции, — когда с жизненно поля удалили посредством казни очередного нарушившего правила монарха, а сами правила стали прописывать пуритане — серьезные люди с завышенным уровнем строгости, — были запрещены все представления и игры. Мячи сжигались, театры разрушались, даже шекспировский «Глобус» не уцелел. Всё под бульдозер.

— И нечего обжираться в Рождество! — объявил Оливер Кромвель, и его верные солдаты шли в рождественские вечера по Лондону отнимать у граждан приготовленных в жаровнях гусей. В другие дни воины строго следили за тем, чтобы на женских лицах не было косметики, и пороли мальчишек за то, что те, как бы это ни запрещалось — умудрялись играть по воскресеньям в футбол.

Казалось — все, доигрались. Установлен окончательный порядок, и меряться отныне будем только дисциплиной!

Но власть сменилась, и генеральная линия сделала привычный разворот, от чего голова у британца стремительно шла

кругом: казалось, стабильности в мире не было. Но нет, — стабильное и постоянное в Британии существовало всегда: смелые и упрямые граждане, несмотря ни на какие указы и запреты, продолжали гонять мяч по площадям и переулкам, передавая свое пристрастие от поколения к поколению, вырабатывая особый генетический код, в котором прописана любовь к футболу. И эта любовь стала здесь, на острове, главным признаком натуральной ориентации: англичанин может поменять место жительства, жену, работу, партию, но только не любимую футбольную команду — с ней он обручается на небесах: однажды и навсегда.

Через четверть века после смерти Оливера Кромвеля (*мертвое тело которого, по приказу вызванного для восстановления традиции очередного монарха, сначала повесили, а потом разрезали на четыре неравные части, — и это было вполне зрелищно*) соотечественник Денниса Бергкампа Вильгельм Оранский аж Третий, правивший вместе со своей супругой Марией Стюарт Второй (*имен катастрофически не хватало*), — которая родилась не такой красивой, как Первая, обезглавленная, но уж точно более счастливой, — отменил все запреты на игры.

И понеслись опять мячи по улицам и площадям Британии.

Ну а когда на сцену истории вышел век девятнадцатый, железный, то футбол в Англии принял уже характер массового народного танца. Танцевали с мячом все — с перерывом на Ватерлоо и Крымскую кампанию, только вот по-прежнему по разным правилам. В каждом городке, в каждом университете был свой размер поля и свой диаметр мяча. Где-то можно было пасовать руками, а где-то лишь останавливать мяч рукой. Прямо перед игрой договаривались — бить или не бить сегодня ногами по голени, толкать ли руками каждого вышедшего на поле или только владеющего мячом. Когда договоры заходили в тупик, соглашались на компромиссы — в первом тайме бьем по голени, но толкаем только владеющего мячом; во втором — бережем голени, зато уж толкаем всех...

Вряд ли это было очень удобно, и вскоре в Кембридже накануне европейской «весны народов» — когда люди попытались

в очередной раз отречься от старого мира — выходят первые своды правил. Англичане настолько углубились в изучение вышедших документов, что упустили момент для либерального восстания. До того ль, голубчик было, — если через девять лет в промышленном городе Шеффилде появляется первый в мире футбольный клуб, а еще через пять лет, накануне Рождества, футболисты из Шеффилда разрождаются кодексом собственных нормативных актов игры в мяч ногами. Но что ты будешь делать — кипел возмущенный английский разум: опять нестыковки и несогласованность! В шеффилдских правилах, например, впервые строго оговаривалось количество играющих в мяч на поле: одиннадцать наших на одиннадцать ваших, но в других уставах команды могли выпускать по 14 парней и больше, — газона хватит на всех, зачем же урезать права джентльменов?..

И как тут быть? Что делать? На кого рассчитывать?

Футбол пробуксовывал, задыхался без единообразия. Верхи уже не могли управлять игрой, низы не хотели играть, как прежде.

И наконец...

1.2. Апостол Морли

Первый Вселенский Футбольный Собор стал следствием простой гражданской инициативы Эбенезера Морли, адвоката, мирового судьи и спортсмена.

Эбенезер Кобб Морли родился в Халле в 1831 году, когда Майкл Фарадей, сын кузнеца, продемонстрировал миру первую динамо-машину. Пройдет полвека, и в домах, согласно закону об электромагнитной индукции, зажгутся первые электрические лампочки, а на футбольных стадионах, согласно утвержденным правилам, будут играть в футбол.

Выучившись, как и Ленин, на юриста, Морли по совету друзей поехал работать в шумный, грязный Лондон, где в свободное от монотонной юридической практики время, занимался академической греблей — это хорошо освежает и восстанавливает

любовь к жизни. Но как-то раз, узнав из периодической печати, что в Барнсли, — а это от Лондона хорошо на север, — и река подлиннее, чем в Халле, и в целом поспокойнее, чем в столице империи, Морли покидает шумный и высокомерный столичный край.

Словно какая-то неведомая сила вела юриста Эбенезера к выполнению великой миссии. Подумать только — уехать из столицы мира, где можно сделать головокружительную карьеру и всласть тусоваться в самых модных заведениях Европы... Немыслимо!

Но факт остается фактом: Морли обосновывается в скромном Барнсли. И проплывая как-то раз на байдарке в неосвоенном микрорайоне, Морли видит, как на берегу речки Дирн, в местной скромной деревушке, пацаны рубятся в какую-то странную игру, азартно гоня мяч ногами, активно помогая себе руками и неистово толкаясь. И столько во всем этом было страсти, радости и энтузиазма, что Морли резко затормозил веслом, едва не перевернувшись.

Но именно этот частный эпизод из жизни простого английского адвоката перевернул всю историю человечества.

Немедленно сойдя на берег, Морли сразу же попытался определить права и обязанности сторон, участвующих в игровом процессе на лужайке (*юрист — он и в свободное от работы время — юрист*). Остановил игру, приготовился записывать правила. Каково же было удивление юриста, когда оказалось, что каждый игравший действовал по своим собственным понятиям. В командах было разное количество игроков, а вместо штанг студенты-выпускники по сложившейся традиции использовали учащихся младших курсов. Никакого единого кодекса, никаких законов. Полный юридический беспредел с элементами дедовщины. Законопослушному человеку опереться было абсолютно не на что.

Так дело, а Морли был человеком деловым, оставлять было нельзя.

За 12 лет до рождения Владимира Ульянова, впоследствии Ленина, Морли решает идти другим путем и оперативно форми-

рует футбольный клуб «Барнсли», в который изо всех окрестных сел слетаются рабочие, служащие, студенты и старшекласники. Дело за малым — привести многочисленные имевшиеся понятия к единому юридическому знаменателю. Но вот ведь загвоздка: как потом играть с командами других регионов, у которых и понятия свои, и знаменатели другие? Каждый раз перед матчем приходилось договариваться о единых правилах хотя бы на тайм. Пока договаривались — темнело, и на игру времени практически уже не оставалось.

Что делать? — вопрошает Эбенезер Кобб Морли и, решительно осознав необходимость всеанглийской стрелки для унификации правил (*первого Вселенского Футбольного Собора*), пишет в октябре 1863 года историческое письмо в спортивную газету «Беллз Лайф». Пишет о том, что так, как раньше, жить уже нельзя: промедление смерти подобно. Мы рождены, чтобы хаос на поле сделать любимой игрой миллионов. Надо отречься от старого мира, собраться в Лондоне и определить единый свод правил для игры в футбол, тем более что для крикета подобный документ уже существует, стыдно сказать, с 1788 года. А чем мы, пинающие мяч ногами, хуже неконтактных гламурных крикетистов?

Морли действовал на редкость энергично — недаром он родился в тот год, когда сын кузнеца Фарадей обнаружил электромагнитную индукцию. И из искры возгорелось пламя!

Еще не было ни Интернета, ни мобильной связи (*что представить себе сегодня можно только изрядным напряжением мозга*), но англичане в любую погоду читали газеты и прекрасно связывались между собой: вечером в понедельник 26 октября 1863 года в лондонской таверне «Вольные каменщики» собрались представители клубов столичного региона, а также наблюдатели из Шеффилда (*где шесть лет назад был создан первый футбольный клуб*).

Сделаем остановку в нашем повествовании, чтобы уделить особое внимание тому, что произошло. Мы привыкли, что важнейшие события в жизни страны (*а тем более мира*) связаны с действиями президентов или премьер-министров. Члены

правительства тоже способны на нечто запоминающееся, ну и депутаты различных уровней с удовольствием заполняют событийный вакуум... В этом же случае судьбоносное событие произошло по инициативе нормального (*обыкновенного*) человека. Простой человек за свои небольшие деньги помещает объявление в газете, причем — не пишет в объявлении ничего экстравагантного, сенсационного, притягательно-медийного. И тем не менее цена этого текста в миллион раз дороже многих указов президентов, постановлений министров и заявлений политиков.

Итак, еще раз: Морли никто не просил печатать объявление. За этим не стояла ни одна из действующих на то время политических партий. Королева Виктория была не в курсе. Никто не боролся за избирателя и повышение рейтинга. Не производился расчет возможной прибыли и не обсуждались рычаги влияния. Просто — инициатива, зов сердца гражданина. Оказывается, так тоже можно.

Первый Вселенский Футбольный Собор начался. Проект правил, состоявший из 23 пунктов, подготовил и представил на рассмотрение собрания Эбenezер Морли. Среди самого любопытного (*с точки зрения смотрящего из XXI века*) было то, что игроку разрешалось бежать с мячом в руках, если он перехватил передачу соперника. Игрока разрешалось атаковать, держать руками, вырывать мяч, если он у него в руках. Можно было делать подножки и бить ногами в голень. Нельзя было только одновременно держать соперника руками и бить в голень: сначала отпусти, а потом уже бей. Либо наоборот — сначала ударь, потом держи.

Начались дебаты. Против бойцовских пунктов проекта стройными рядами выступили представители Кембриджа — там все-таки был университет, где иногда вспоминали о любви к ближнему.

Профессиональный юрист обязан мгновенно реагировать на изменения, возникающие в ходе слушаний, — именно это и сделал Морли. Он внимательно рассмотрел делегатов, — а это были почтенные джентльмены при бородах и тросточках,

с трубками, с котелками или цилиндрами — и принял сторону Кембриджа: бойцовская рубка на поле должна остаться в прошлом. Нельзя, сделав шаг вперед, делать два шага назад, — прежде, чем объединиться, и для того, чтобы объединиться, мы должны сначала решительно и определенно размежеваться с регби!

Морли разворачивает лодку, не зря же он был гребцом.

Итак: скажем твердое «Нет!» ударам по голени и пробежкам с мячом! — бьем ногами исключительно в мяч.

Дебаты были жаркими и длились в течение пяти недель и пяти собраний. Как это, убрать удары по голени? — возмущался джентльмен Кэмпбелл из Блэкхета, — за что боролись? Наши предки сотни лет выходили на поле, чтобы расчистить дорогу к воротам, ломая голени сопернику, и не боялись сами остаться без ног. А вы нас троллите гуманизмом? Если вы уберете из правил неотъемлемое право англичанина бить соперника по ногам, то я привезу в Англию тысячу манерных французов, которые за неделю выучат ваши мягкотелые правила и будут легко утирать вам нос на футбольном поле! Вы этого хотите? Одумайтесь! *(кстати, не пройдет и 130 лет, как через Ла-Манш на Британский остров высадится не очень манерный, но вполне себе француз, Эрик Кантона, который, да, частенько обыгрывал удивленных англичан; за ним следующим десантом подтянется и Тьерри Анри, который уже совсем легко обводил потомков англосаксов...)*

Собрание приняло сторону Морли и его соратников — братьев Чарльза и Джона Олкоков. Кэмпбелл и его сторонники с высоко поднятой головой покинули таверну, громко хлопнув входной дверью, и, чтобы не оставаться в долгу, через восемь лет создали Регбийный Футбольный Союз.

Обратите внимание: ровно через 40 лет здесь же, в Лондоне, на втором съезде российской социал-демократической рабочей партии, произойдет еще один знаменитый раскол: опять в ходе жарких дебатов парни не смогут договориться и разделятся на большевиков (*последователей Ульянова-Ленина*) и меньшевиков.

Видимо, в Лондоне хорошо раскалываться. И зимой и летом. Климат располагает, местность.

Наконец — 8 декабря 1863 года — в старой прокуренной гостинице на свет появляются две важнейшие составляющие футбольного Рождества: свод основных футбольных правил и английская Футбольная Ассоциация, чьим секретарем, а позже и президентом (*вторым — после Артура Пембера*) становится апостол Морли.

Ну а правила — в количестве 13 согласованных пунктов — были изданы в типографии на Сеймур-стрит в виде буклета и продавались всем желающим за один шиллинг и шесть пенсов.

Унификация, о необходимости которой все время говорили игроки в мяч ногами — свершилась. Да будет футбол! Пошел отсчет футбольной эры.

На Трафальгарской площади, кроме колонны в честь лорда Нельсона, разгромившего на море манерных французов и беспокойных испанцев, должна обязательно стоять колонна в честь человека, отправившего футбол в счастливое плавание. Если для двух колонн места на центральной столичной площади не найдется, их можно менять по графику. По четным дням — водружать колонну в честь Горацио Нельсона, по нечетным — в честь Эбенезера Кобба Морли. Смену колонн можно сопровождать раскатистым выстрелом пушки и красивым проходом караула в красных мундирах и черных шапках из меха бедного медведя гризли...

Вполне возможно, что все неприятности Англии — ну хотя бы с членством в ЕС — смешно ведь: то Англия входит в ЕС, то выходит — ну прямо как лопнувший шарик в горшочек, подаренный Винни-Пухом ослику Иа-Иа, — все неприятности от того, что в столице нет рукотворного памятника тому, кто дал старт английской игре, захватившей весь мир.

Апостол Морли умер в один год с Владимиром Ульяновым-Лениным. Пережив всех апостолов, Морли уходил с корабля последним, как и полагается первому. Как и у Ленина, у Морли детей не было.

Его детищем стал футбол.

1.3 Апостол Чарльз Оллок

Первый офсайд, а поначалу он определялся не двумя игроками между нападающим и линией ворот (*включая вратаря*), как сейчас, а тремя — был зафиксирован в марте третьего года футбольной эры (1866) на Чарльзе Оллоке, игравшем в центре нападения команды «Уондерерс», — первого футбольного гранда.

Чарльз Оллок вместе со своим братом Джоном, собственно, этот клуб и организовали — за четыре года до Рождества, когда Джону было 18, а Чарльзу — 16. Удивительно, — не в социальных сетях парни сидели, не в модном ночном клубе отжигали, а направляли молодую, бьющую через край энергию в позитивное русло! Поначалу свое детище братья назвали «Форест». Популяризируя новую игру, «лесники» громили всех, кто пробовал меряться с ними мастерством — так, в 1862 году братья с одноклубниками проводят девять матчей — и все выигрывают, забив 30 мячей, львиная доля которых на счету Чарльза, или, как его звали друзья, — Чарли. Затем клуб покидает родные пенаты, где они и так по три раза у всех уже выиграли, и начинает скитаться по стране, взяв соответствующее романтическое название — «Скитальцы», что по-британски звучало как «Уондерерс». Впрочем, как только новое имя окончательно закрепилось за клубом, они тут же перестали скитаться, устроившись на знаменитом лондонском крикетном стадионе «Кеннингтон Овал». В одной команде играли тогда сразу два будущих футбольных апостола — Чарльз Оллок и Артур Киннэрд — так что не стоит удивляться, что из семи первых розыгрышей Кубка «Уондерерс» выиграл пять. Но всему свое время, и время всякой вещи под небом, — и клуб, лидировавший в английской игре в первое десятилетие после Рождества, не выдержал конкуренции со стороны новых футбольных команд, возникших, как грибы после традиционных английских дождей, завершив свою деятельность в 1884 году.

А деятельность апостола Чарльза Оллока только начиналась, поражая своей разносторонностью: Чарли был не только отлич-